

Проблемы динамической эффективности российской экономики

© В.Г. Родионова, Г.К. Девлет-Гельды

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Освещены проблемы динамической эффективности — способности экономики увеличивать темпы роста за счет внедрения инноваций и ноу-хау на основе инвестиций. Инвестиционный процесс сдерживается несовершенством стимулов и механизмов в системе государственного регулирования, особенно в условиях нарастающих инфляционных тенденций и ограниченных возможностей фирм по формированию собственных инвестиционных ресурсов.

Ключевые слова: амортизационная база, инвестиции, динамическая эффективность, инновации, слабые стимулы, статическая эффективность, уровень дохода на капитал.

Относительное снижение темпов роста российской экономики сменилось продолжающейся более года рецессией. Причины глобального характера дополняются внутренними факторами слабости инвестиционных стимулов. В последнее время удавалось сохранять модель статической эффективности с 3%-ным темпом экономического роста, обеспеченным в основном за счет 5%-ного повышения доходов населения и внутреннего спроса. На основе сырьевого сектора при общей недостаточности инвестиций удавалось сохранять модель статической эффективности роста. В большинстве развитых стран подобная модель использовалась в середине прошлого столетия.

Статическая эффективность — это способность экономики обеспечить рост за счет имеющихся экстенсивных факторов. В отечественной экономике таким фактором стали ископаемые сырьевые ресурсы. Практикой развитых стран доказано, что экстенсивные факторы не стимулируют инновационные процессы и совершенствование технологий в экономиках любого типа. В течение последних двух десятилетий в отечественной экономике лишь накапливались аргументы, подтверждающие, что за счет экспорта сырья экономический рост невозможен. Невоспроизводимые природные ресурсы, как всякий экстенсивный фактор, имеют свой предел влияния на экономическое развитие. Видимо, использование этого ресурса для внутреннего роста отечественной экономики оказалось едва ли не единственным фактором, способным дать «передышку» в условиях кри-

тических ситуаций, сопровождавших кризис трансформации экономической системы.

Необходимость перехода от статической эффективности к динамической — достаточно очевидная и не новая задача, к решению которой подталкивают тенденции в глобальной экономической системе. Мировые рынки все отчетливее демонстрируют пределы роста цен на ископаемое сырье и поиск альтернативных ресурсов для следующего, динамически эффективного, технологического уклада.

Динамическая эффективность — это способность и возможность экономического развития за счет интенсивных факторов, таких как инновации и технологические изменения, способные принести ожидаемый эффект не в краткосрочной, а в долгосрочной перспективе. Обращаясь к практике развитых стран прошлого столетия, отметим, что период достижения ими динамической эффективности занял вторую половину XX в. и выражался эффектом 1,5%-ного вклада в общий 2,5–3%-ный темп годового роста. Другими факторами роста были накопление капитала, обновление оборудования и ресурс труда. Примечательно, что статическая эффективность экстенсивного роста в указанный период характеризовалась господством монополий, что вело к потерям (замедлению роста валового продукта) на 2,5 % в год [1].

Перспективы перехода российской экономики к динамически эффективному, инновационному способу развития обсуждаются постоянно, в формулировках обозначаются задачами либо ускорения, либо модернизации (суть не в терминологии, а в том, что до настоящего времени в отечественной экономике осуществить намеченное не удается). Решение поставленных задач сдерживается недостаточными инвестиционными стимулами. На уровне правительственных обсуждений эти проблемы обозначены как очевидные тенденции сползания к рецессии при одновременном нарастании инфляционных показателей. Так, в I квартале 2013 г. по отношению к концу 2012 г. снизился внешний спрос на отечественное сырье, уменьшились его внутреннее производство и экспорт.

Когда эффективность развития рассматривается в динамическом аспекте, предполагая движение от статической модели развития к динамической, требуется смена инвестиционной политики и инструментов ее осуществления. Это объясняется также тем, что фискальные стимулирующие меры не приносят ожидаемого эффекта. Подтверждением может служить фискальная политика недавнего времени.

Реальное состояние дел в экономике и инвестиционной деятельности проясняется после проведения регулярных обследований официальными статистическими органами. Множество аналитических данных, публикаций и экспертных оценок показывают, что в системе

фискальных мер не срабатывают применявшиеся в качестве инвестиционных стимулов традиционные меры. К таковым относятся: переход к свободному начислению амортизации; применение ускоренной амортизации; налоговые льготы на реинвестирование прибыли, сниженные до уровня 20 %; амортизационная премия; и пр. Существующая нормативно-правовая база такова, что фискальные меры слабо стимулируют воспроизводственную функцию и заинтересованность компаний в инновациях и технологическом обновлении основных средств. В крупных компаниях сумма снижения этого налога возмещается трансфертами конъюнктурных доходов от продажи ископаемых и других сырьевых ресурсов. Не проявляются признаки влияния доходов от сырьевого сектора на экономическое развитие обрабатывающих производств. Цены на промышленную продукцию, будучи резко ограничены рыночным спросом, не вмещают полностью нормативы прибыли и амортизации, принуждая предприятия полностью или частично жертвовать тем или другим, в зависимости от амортизационной базы и позиции налоговых органов.

Например, аналитики рейтингового агентства «Эксперт РА» [2] отмечают, что амортизационная премия в объеме не более 10 % может быть включена в себестоимость и цену промышленной продукции. Оценочно эта величина должна возвращать предприятиям около 50 млрд руб. на восстановление активной части основных средств. Однако, с учетом их изношенности, требуемая цена замены превышает 200 млрд руб. Другая фискальная мера — снижение налога на прибыль до нынешних 20 % — также не достигает своей цели, породив тенденцию «проедания» накоплений. В результате в большинстве отраслей сформировался гибридный показатель, условно называемый экспертами «прибыле-амортизацией», трактуемый государственной отчетностью как прибыль, хотя в нем реальной прибыли 69 %, а 31 % — не начисленная (не включенная в себестоимость) амортизация. Манипулирование показателем «прибыле-амортизации» искажает оценку всех производных показателей эффективности: рентабельности, выручки, продаж, активов и др., что существенно завышает их значения. Формированию инновационной модели на основе инвестиционной деятельности должно послужить техническое перевооружение предприятий. Но по существующим методикам, обоснованным соответствующими нормативными правовыми актами (НПА), текущие затраты предприятий на ремонт учитываются как инвестиции в основной капитал, что считается фактором инноваций, хотя в действительности они таковыми не являются.

НПА должны четко отражать в соответствующих методиках, например, правомерность квалифицировать работы по капитальному ремонту основных средств как их модернизацию, а текущие затраты

на проведение этого ремонта, именуемое в настоящее время модернизацией, — как инвестиции в основной капитал.

Существующие методические подходы, основанные на действующих НПА, ориентируют на рост текущих затрат для ремонта изношенного оборудования предприятий, вызывая тенденцию повышения себестоимости, цен и провоцируя инфляцию, а не динамическую инновационную деятельность. Ремонт давно устаревшей материально-технической базы не может быть формой инвестиционной деятельности уже потому, что консервирует технико-технологическую отсталость и, следовательно, должен быть исключен из методик, регулирующих существующую практику. Это соответствовало бы фундаментальному положению о том, что капитальный ремонт и инновации являются видом основной, а не инвестиционной деятельности. Такой подход позволил бы наверстать упущенное при условии, что будет комплексно заменено 85 % действующей активной части основных средств в машиностроении и других отраслях обрабатывающей промышленности в течение 10 лет. Количественная оценка подобной форсированной замены изношенного оборудования выражается в необходимости резкого ускорения выбытия основных фондов (с 1 % до 10–12 % в год, т. е. в 10–12 раз) [2]. Только такой подход способен обеспечить кардинальное количественное и качественное изменение нынешних объемов, направлений и структуры инвестиций. В ином случае инновации и инвестиционная деятельность будут и далее носить формальный характер.

Источники формирования компаниями собственных инвестиционных ресурсов постоянно находятся в поле зрения аналитиков и экономистов. Ускоренная амортизация далеко не исчерпала себя, так как структура источников инвестиций для инновационного развития и обновления технологий всегда будет опираться на внутренние резервы, которые при наличии соответствующих стимулов смогут восполнять текущие инновационные потребности компаний. Согласно данным «РВМ Капитал» [3], представленным в таблице, в период 2010–2012 гг. динамика рынка прямых инвестиций в отечественной экономике характеризовалась некоторым оживлением.

Динамика рынка прямых инвестиций в российской экономике

Год	Число сделок	Объем сделок, млрд долл.	Средняя цена сделки, млрд долл.
2010	41	2,155	53
2011	67	4,780	71
2012	101	9,844	97

Приведенные в таблице данные свидетельствуют, что в текущий момент динамизм формирования инвестиционных ресурсов несколько изменился количественно и в общем позитивном плане. Так, собственные средства промышленных компаний составляют около 45 %, а привлеченные — 55 %. В составе привлеченных средств на долю бюджетных ресурсов приходится около 30 %, а внебюджетных фондов — около 1,5 %. Остальное составляют кредиты отечественных и иностранных банков, заемные средства других организаций и прочие средства, включая прямые инвестиции иностранного капитала.

Дискуссионным остается вопрос о том, что предпочтительнее: фискальные или кредитные инвестиционные стимулы?

Ответ на него не может быть однозначным и кратким. В различных экономических ситуациях и фискальные меры, и кредитные инвестиционные стимулы могут оказывать однонаправленное, но не равномерное воздействие на избранные цели. Экономическая политика располагает инструментами как фискального, так и кредитного стимулирования инвестиций. Налоги, льготы, субсидии, преференции и пр. могут иметь направленность, аналогичную кредитно-денежным инструментам стимулирования инвестиций снижающимися процентными ставками и доходностью от инвестиционных вложений. Следовательно, фискальные меры и инвестиционные стимулы предполагают альтернативность выбора и неравнозначность в скорости и содержании ожидаемого эффекта от их применения. При выборе тех или иных мер и стимулов требуются обоснование их необходимости и убедительная аргументация выбора в пользу тех, а не иных, или использования и тех, и иных мер и стимулов. Важное значение имеет разработка обоснованных методов соизмерения целей и полученных результатов. Также необходимо учитывать фактор времени и степень воздействия избираемых мер на достижение целей в меняющихся ситуациях. Достижение целей в намеченные сроки должно быть убедительно подтверждено очевидными эффектами или показателями.

Правительственные структуры [4] предполагают принятие мер для стимулирования экономического роста — «передислокацию» инвестиционных стимулов от фискальных мер к использованию ЦБ РФ индикативных ставок по кредитам реальному сектору экономики. Ожидается, что при одновременном и контролируемом применении инвестиционных стимулов и факторов сдерживания инфляционных тенденций может быть получен ожидаемый эффект динамической эффективности. С середины 2013 г. предполагается предоставить Центральному банку ответственность не только за таргетирование инфляции, сопровождающееся ужесточением денежно-кредитной политики, но и за экономический рост.

Если рассматривать мероприятия ЦБ в качестве факторов интенсификации динамической эффективности развития и роста ВВП, то предпочтения обоснованно отдаются кредитным стимулам, ориентации на снижение процентных ставок. На данный момент текущая ставка размещения «длинных денег» на год (2013 г.) снижена символически — на 0,25 % и составляет 7,25 %, что незначительно повлияет на доступность кредитов для инвесторов. Дальнейшее ожидаемое снижение ставок оставлено на ближайшую перспективу и выражено двумя важнейшими направлениями.

Во-первых, решения по кредитным ставкам требуют учета ряда макроэкономических факторов: динамики инфляции, безработицы, темпов экономического роста и решений правительства по тарифам и ценам монополий. Кроме учета этих параметров Центробанк должен определить и применить индикативные ставки кредитования экономики. Коммерческие банки могут снижать ставки, повышая прозрачность и работая над эффективностью, поскольку эти факторы заложены в их маржу. Для удешевления кредитов предполагается развитие рефинансирования коммерческих банков, расширение их доступа к различным кредитно-денежным инструментам, эмитируемым для залога при предоставлении ликвидности для кредитования.

Во-вторых, на период 2014–2016 гг. предварительно обсуждаются возможности применения мер по сдерживанию роста монопольных тарифов и цен как факторов, провоцирующих инфляционные тенденции.

Так, среди объектов для применения мер сдерживания темпов роста базовой инфляции оказались растущие тарифы соответствующих монополий на газ, электроэнергию и тепло. На 2014 г. Газпрому рекомендовано ограничиться ростом тарифов для промышленного потребления до 10,1 % вместо 15 %; в 2015 г. повышение тарифов не должно превышать 6,8 % вместо 14,6–15 %; в 2016 г. тарифы должны быть ограничены уровнем 4,8 % вместо желательных для газового монополиста 10,5 %.

В области энергетики сетевым компаниям на предстоящий год рекомендовано ограничиться тарифами 7,5–8 % вместо 9–10 %, а в 2015 г. их рост не должен превышать 6,5 % вместо 7 %.

Рост цен на энергоресурсы для промышленности в 2014 г. не должен превышать 9,4 % вместо предполагаемых 12,6 %. В 2015 г. повышение цен ограничивается 8,5 % вместо 12,5 %, в 2016 г. — 3,5 % вместо 7 %.

Жестким регулирующим рекомендациям подверглись также тарифы на тепло. Так, в 2014 г. их рост должен ограничиться 9,5 %, в 2015 г. — 8,2 %, а в 2016 г. они не должны превышать 6 % (вместо планируемых 8 %).

Для населения рост тарифов сохранится на запланированном уровне. В газовой отрасли тарифы повысятся на 15 %, в области электроэнергетики — на 12–15 %.

Правительство РФ считает, что указанные ограничительные меры будут способствовать сдерживанию инфляции при активном наращивании инвестиций в капиталоемкие инфраструктурные объекты. Источниками инвестиций должны стать 6,1 трлн руб. бюджетных средств, 2,6 трлн руб. внебюджетных средств для проектов общей стоимостью 14,3 трлн руб. Источниками инвестиций в региональные проекты должны стать средства Фонда национального благосостояния (ФНБ), частично — пенсионные накопления, а также средства Внешэкономбанка под депозиты из суверенных фондов, государственных структур и некоторых частных компаний. За счет госбюджета и внебюджетных источников предполагаются долгосрочные инвестиции по следующим основным направлениям: в энергетику — 614 млрд руб.; на высокотехнологичные проекты — 369 млрд руб.; в транспортную инфраструктуру — 597 млрд руб.; в жилищно-коммунальное хозяйство — 181 млрд руб.

К ним должны быть добавлены средства Пенсионного фонда России (ПФР), активы под управлением негосударственных пенсионных фондов (НПФ) и часть средств ФНБ с преобразованием в государственный долг [4].

Инвестиционные стимулы необходимы не только во всех сферах сбережений, но и в группах инвесторов. Для крупного бизнеса в качестве инвестиционного стимула наиболее значимы льготы. Инвесторы этой группы давно ждут возвращения инвестиционной льготы. Так, для компаний в нефтедобывающей промышленности, работающих в условиях континентального шельфа, за счет налоговых льгот могут быть снижены издержки, связанные со сложностью добычи сырья. В частности, возможно освобождение от НДС, налога на имущество, налога в виде экспортной пошлины. Инвестиционное стимулирование в форме льгот по НДС необходимо на месторождениях с повышенной сложностью добычи нефти.

С 2014 г. предусмотрены налоговые льготы для инвесторов Дальневосточного региона, Забайкалья и Иркутской области, при условии, что инвестиционные вложения в создание новых производств составят более 150 млн руб. на 3 года или 500 млн руб. на 5 лет. Производственный бизнес указанных регионов в течение 10 лет освобождается от федеральной части налогов на прибыль. Кроме того, эти регионы могут предоставить также свои налоговые льготы производственному бизнесу [4].

Для фирм среднего и малого бизнеса инвестиционные стимулы особенно важны. Практика 2012 г. показала, что недавнее двойное

повышение страховых взносов вызвало в этом секторе экономики сокращение числа предприятий почти на 500 тыс. за полгода и их переход в юрисдикцию других стран. Однако вопрос о продлении им 20%-ной льготы (вместо 30 % платежа) по этим взносам все еще не решен. Это особенно актуально для производственных и IT-компаний.

Возможно введение инвестиционных стимулов и для физических лиц. Например, освобождение от НДФЛ ряда доходов от финансовых операций. Предполагается расширение сферы льготного налогообложения на вновь создаваемые 5-летние инвестиционные счета, при условии направления на них не менее 400 тыс. руб. в год.

Существенное инвестиционное оживление требуется в отраслях высокотехнологичных производств. Особый интерес представляют отрасли высокотехнологичного комплекса, создающего основы модернизации. В настоящее время здесь, как и ранее, продолжается тенденция расходования амортизационных накоплений на приобретение бывших в употреблении основных средств. Дефицит инвестиционных ресурсов у промышленных компаний приводит к вторичной купле-продаже бывшей в употреблении, физически и морально изношенной техники.

Отрасли электрооборудования, электронного и оптического приборостроения характеризуются недостаточным суммарным показателем роста инвестиций. Неутешительными выглядят данные по таким отраслям и производствам, как металлургия, энергетические компании, предприятия химического комплекса. Уровень инвестиций в отраслях высоких технологий не соответствует заявленным масштабам инновационной модели роста промышленности. Такой вывод напрашивается и при анализе данных о структуре инвестиций в эти отрасли, практически не меняющейся. Эксперты отмечают, что в здания и сооружения направляется 11 % ресурсов; в активную часть основных средств (машины, оборудование и транспортные средства) — 9,8 %; инвестиции в нематериальные активы и НИОКР по-прежнему недостаточны [5].

Правительственными структурами с целью изменения ситуации в данном секторе экономики предусматриваются меры финансирования высокотехнологичных производств. Ресурсы для них объединены в государственном проекте «Развитие промышленности редкоземельных металлов». Общая стоимость проекта оценивается в 145,6 млрд руб. [5].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Denison Edward F. *Accounting for U.S. Economic Growth, 1929—1969*. Washington, D.C., The Brookings Institution, 1974, pp. 124—150.

- [2] Гришанков Д. Русский инновационный манифест. Инновационное развитие России. Публичное обсуждение тезисов Манифеста и дискуссия на тему «Как запустить механизм инноваций в России; круглый стол «Инвестиционный климат в России: видимая рука рынка. 2010–2012 гг.». URL: [www: gaexpert.ru/sprojekt/innovation/innodai/hart](http://www.gaexpert.ru/sprojekt/innovation/innodai/hart)
- [3] Ведомости, 4 февраля 2013 г., с. 13.
- [4] Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: www.economy.gov.ru/minrec/main
- [5] Рейтинговое агентство «Эксперт РА». URL: [www: gaexpert.ru](http://www.gaexpert.ru)
- [6] Коммерсантъ, 2013, 11 июня, № 98 (1529).

Статья поступила в редакцию 01.07.2013

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Родионова В.Г., Девлет-Гельды Г.К. Проблемы динамической эффективности российской экономики. *Гуманитарный вестник*, 2013, вып. 8.

URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/econom/hidden/94.html>

Родионова Валентина Георгиевна (1945). Окончила МГУ им. М.В. Ломоносова (1970). Канд. экон. наук, доцент кафедры «Экономическая теория» МГТУ им. Н.Э. Баумана, лауреат премии Правительства Российской Федерации (2002). Область научных интересов: теоретические проблемы микроэкономики; организация рыночной системы и рыночного ценообразования; потребительское поведение; теория фирмы; издержки производства и производственная функция; стратегии ценообразования и формирования прибыли; особенности факторных рынков; неопределенность и риски предпринимательства в рыночной системе. e-mail: avtogo2@mail.ru

Девлет-Гельды Гюль-Гюзель Керим-Датовна (1951). Окончила МИНХ им. Г.В. Плеханова (1973). Канд. экон. наук, доцент кафедры «Экономическая теория» МГТУ им. Н.Э. Баумана. Область научных интересов: теоретические и методологические вопросы экономической подготовки студентов технических вузов; проблемы макроэкономического развития; финансовый менеджмент; экономика предприятия; история экономической мысли. e-mail: 1238926@gmail.com